

Юз Арешковский

**КЫШ,
ДВАПОРТФЕЛЯ
И
ЦЕЛАЯ НЕДЕЛЯ**

**КЫШ И Я
В КРЫМУ**

Иллюстрации
Генриха Валька

#эксмодетство

Москва
2022

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А49

Алешковский, Юз.

А49 Кыш, Двапортфеля и целая неделя. Кыш и я в Крыму / Юз Алешковский ; иллюстрации Генриха Валька. — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с. : ил. — (Золотое наследие).

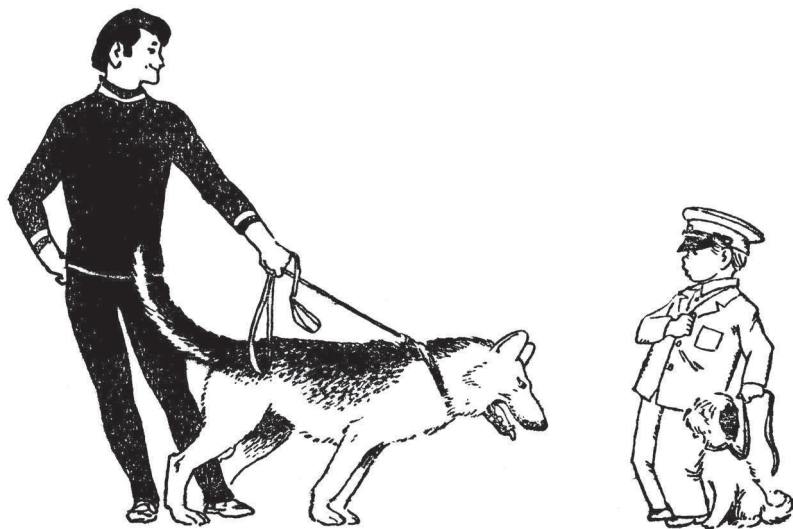
ISBN 978-5-699-85882-8

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-85882-8

© Юз Алешковский, 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

КЫШ, ДВАПОРТФЕЛЯ И ЦЕЛАЯ НЕДЕЛЯ

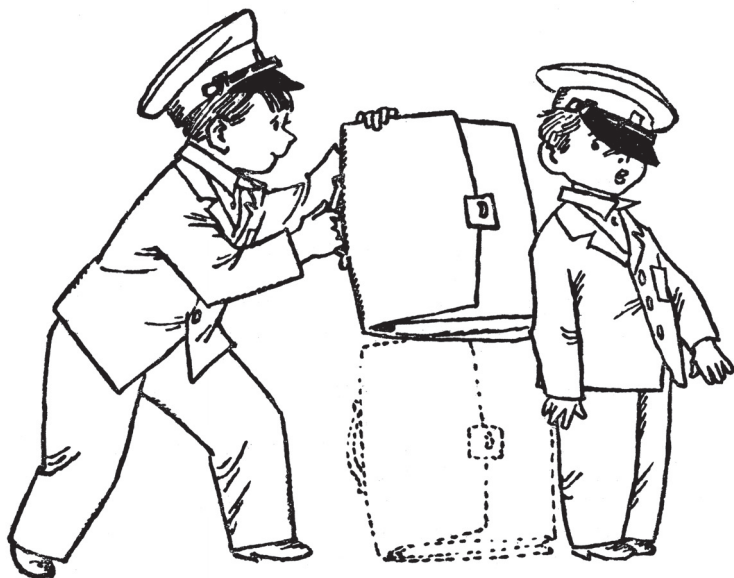

Дорогие ребята!

Многие из вас читали книги о замечательных собаках — сильном и храбром Белом Клыкe, об умнице Каштанке и о преданном людям Мухтаре. Маленький щенок Кыш, о котором я пишу, пока ещё ничем не выдающаяся собака. Но для её хозяина Алёши Сероглазова она самая умная, самая преданная собака на свете. Первокласснику Алёше, для которого началась совсем новая жизнь школьника, и любопытному Кышу трудно не попасть в разные передраги. К великой радости автора, они кончаются благополучно, потому что в самый трудный момент Алёша не предал Кыша, а Кыш верил, что настоящий друг Алёша выручит его из беды.

Мне очень хочется, чтобы вы любили друзей человека, будь это серый воробышек, маленькая рыбка или огромный слон. Кто знает, может быть, случится так, что кому-нибудь из вас, когда вы станете взрослыми, придётся впервые ступить на новую планету и встретить там неизвестных животных. Пусть они знают, что человек пришёл к ним как друг, с добром и любовью.

ЮЗ АЛЕШКОВСКИЙ

Глава 1

Это был мой первый выходной день, потому что я первый раз в своей жизни целую неделю проучился в первом классе.

Как нужно начать такой день, я не знал и поэтому решил подражать папе: проснувшись, заложил руки под голову и уставился в окно.

Однажды папа сказал, что в воскресное утро, так как не надо спешить на работу, он думает о всякой всячине и о том, как прошла целая неделя. Чего в ней было больше — хорошего или плохого? И если больше плохого, то кто в этом виноват: сам папа или, как он любит говорить, стечение обстоятельств?

В моей первой школьной неделе было больше плохого. И не из-за меня, а из-за обстоятельств, которые начали стекаться давно.

Если бы я родился хотя бы на два дня позже, то мне исполнилось бы семь лет не тридцать первого августа, а второ-

го сентября и меня не приняли бы в школу. Но папе и так пришлось уговаривать завуча. И завуч согласился принять меня с испытательным сроком.

Я был самым младшим и маленьким по росту учеником во всей школе.

В «Детском мире» мне купили самую маленькую форму, но на примерке в кабине оказалось, что и она велика. Мама попросила снять форму с незаправдашнего первоклашки, который стоял в витрине и улыбался, но маму уговорили отказаться от этой просьбы и посоветовали форму перешить. Ещё ей надавали советов, чем меня кормить, чтобы я быстрее рос.

Мама сама укоротила брюки, а фуражку всю ночь держали в горячей воде, потом натянули на кастрюлю и выгладили, но она всё равно спадала мне на глаза.

В общем, первого сентября я пошёл в школу, и на первой же перемене самый высокий из нашего класса мальчик Миша Львов измерил меня с ног до головы моим же портфелем. Измерил и тут же дал мне прозвище Двапортфеля. А сам себе он присвоил прозвище Тигра. Из-за фамилии Львов.

Даже до старшеклассников дошло моё прозвище. На переменах они глазели на меня и удивлялись:

— Двапортфеля!

— Действительно, Двапортфеля!

Они меня не дразнили, но всё равно я чувствовал самую большую обиду из всех, которые получал в яслях, в детском саду, во дворе и дома.

Я отходил куда-нибудь в сторонку, ни с кем не играл, и мне было так скучно, что хотелось плакать.

Правда, однажды ко мне подошла старшеклассница, погладила по голове и сказала:

— Двапортфеля, не вешай нос. Придёт время, и ты станешь четырёхпортфеля, потом пять, а потом восемь. Вот посмотришь! А на перемене не стой на одном месте. Разминай косточки. И никого не бойся. Начнут пу-

гать — раздувай ноздри. Сразу отстанут. Я всегда так делала. Я — Оля.

— А я — Алёша, — сказал я, и Оля показала, как надо раздувать ноздри.

Но сколько я их потом ни раздувал, это никого не пугало, и у меня в ушах шумело от крика:

— Двапортфеля! Двапортфеля-а!

За такое прозвище я возненавидел Тигру.

Хорошо было Дадаеву. Его прозвали Дада! Капустина — Кочаном. Галю Пелёнкину, как бразильского футболиста, — Пеле. Гусева зовут Тега-тега, и он очень рад. Леню Каца — Кацо. Один я — Двапортфеля.

Ничего! Может, со временем им всем надоест такое длинное прозвище, и от него останется только Феля. Феля! Это неплохо...

Так я лежал и думал и вдруг засмотрелся... Перед моим окном на одном месте, прямо как вертолёт, висел воробей и вдруг — ба-бах! Стукнулся об стекло, упал на карниз, потом опять подпрыгнул, затрепыхался и что-то пытался клюнуть.

Тут я увидел большую синюю муху, которая залетела в комнату и хотела улететь обратно. Она жужжала, металась по стеклу, потом замолкала, как будто теряла сознание, и снова начинала кружиться на стекле, как на катке.

«Вот глупый воробей, — подумал я, — видит муху у самого своего клюва, а клюнуть не может. Наверно, он злится и удивляется, как это вдруг ни с того ни с сего такой тёплый движущийся воздух стал твёрдым и холодным. И муха удивляется, что всё прозрачно, а улететь нельзя».

Вдруг воробей ещё раз разлетелся и через форточку пулей влетел в комнату. Я вскрикнул, взмахнул одеялом — он испугался, сделал круг под потолком, полетел обратно и затрепыхался на стекле рядом с мухой.

А мне что-то стало жалко и воробья, и муху. Выходной день... Утро такое хорошее, а они попались...

Я спрыгнул с кровати и распахнул окно.

— Летите, глупые, по своим делам! Вам не понять, что это не воздух вокруг затвердел, а стекло прозрачное. А мне понятно, потому что я — человек!

Так я сказал вслух, выглянул в окно, и мне тоже захотелось на улицу.

Глава 2

Как я и думал, мамы не было дома. Она давно-давно, когда ещё была жива бабушка, договорилась с папой, что воскресенье до обеда — её день. Мы с папой на это время были предоставлены сами себе.

Папа лежал на диван-кровати так же, как только что лежал я, и размышлял.

— Дождя нет. Надо вставать и куда-нибудь идти, — сказал я.

Папа скосил на меня глаза и ничего не ответил.

— Ну, как прошла неделя? (Папа молчал.) Больше было плохого?

— Было и хорошее, и плохое, — наконец откликнулся папа. — Но, в общем, вся неделя была серой. Серость — это самое худшее из всего, что может быть. По-моему, не случайно пауки и крысы... брр... серые...

— А слоны? — возразил я.

— Слоны — серебряно-серые. Это совсем другое дело. И дирижабли и самолёты тоже серебряно-серые, — уточнил папа.

Хороших недель в жизни у меня было много, плохих, вроде первой школьной, мало, но серая неделя — это уже что-то новое. Когда мы пошли умываться, я спросил:

— Значит, всё-всё было серым? И дела тоже?

— Раз мысли серые, значит, и дела серые.

— Ну а погода?

— Я, кажется, сказал, что серым было всё!

Папа взял мои ладони в свои, взбил густую розовую пену. Мне самому никогда не удавалось так намыливать руки.

— Ты что-то путаешь, — заметил я, — погода на этой неделе была солнечная. Ни тучи, ни дождевики.

— Будем стоять здесь и беседовать? Хочешь, чтобы и воскресенье было серым? Смывай быстрее мыло!

— А может, ты сам виноват, что всё было серым? — догадался я.

Папа что-то промычал, потому что у него во рту уже была зубная щётка, сделал страшные глаза и свободной рукой вытолкнул меня из ванной.

Пока он брился, вскипел чай. Яичницу с салом и с луком мы сделали сами. Папа знал, когда нужно накрывать сковородку миской и какой сделать огонь, чтобы яичница получилась высокой и пышной.

— А у тебя какая была неделя? — спросил папа. — Ведь она не простая. Её на всю жизнь запомнить надо.

— Запомнил, — сказал я, набив полный рот.

— А с кем ты сидишь за партой?

— С Тегой, — сказал я.

— Странная фамилия! — удивился папа. — Может, он француз? Тогда правильно не Тега, а Дега. Был такой художник Дега.

— Правильная фамилия Теги — Гусев. А почему Тега, я не знаю.

— Конечно, Гусев! Тега-тега! Так гусей зазывают в деревне, — смеясь, сообразил папа. — Ну а тебя как прозвали?

Я ничего не ответил, глотнув чая. А про учёбу папа, наверно, решил меня не спрашивать в выходной день.

Позавтракав, он решительно сказал:

— Я понял, что мы должны сделать! Даже не сделать, а совершить! Что-нибудь необычное! Что-нибудь из ряда вон выходящее! И тогда вся серость исчезнет.

— Слушай, а я тебе тоже всю неделю казался серым? — спросил я.

— Ты мне казался фиолетовым! У тебя даже уши были в чернилах, — сказал папа.

— А мама?

— Мама всегда прекрасна, — строго заметил папа.

— А может, у тебя фамилия Сероглазов, — вдруг сообразил я, — из-за того, что ты всё видишь серым?

— Фамилия не имеет отношения к настроению человека, — сказал папа. — Быстро собирайся.

«Ещё как имеет! — подумал я. — Посмотрел бы я, какое у тебя было бы настроение от прозвища Двапортфеля!..»

Глава 3

Мне собираться было нечего. А вот папа зачем-то надел свой хороший костюм, белую рубашку, чёрные туфли, и мы вышли из дома.

Если бы не горьковатый дымок над газоном — это на нём всю ночь тлела куча опавших листьев, — я бы ни за что не поверил, что уже осень. Так на улице было тепло и солнечно.

На нашей очень шумной по обычным дням улице стояла тишина. И было совсем мало людей и машин. А грузовики вообще не попадались нам с папой по дороге. Выходной — значит, выходной.

И воробьи вовсю чирикали на ветках тополей, но среди них нельзя было узнать того, которого я мог бы взять в плен, но не взял, а, наоборот, помог спастись.

Папа положил мне руку на плечо.

— Ну, давай думать. Что необычного ты можешь предложить?

— Прокатимся на такси, — предложил я.

За нами медленно ехала «Волга». Видно, шофёр надеялся, что нам надоест идти пешком.

— Ну, что это такое? — Папа поморщился. — Нашёл необычное! Нет у тебя фантазии.

Тут над нами пролетел реактивный лайнер.

— Тогда слетаем хотя бы в Крым и обратно!

— Вот это уже интересней такси. Это — прекрасно! Два часа — и мы у моря! — воскликнул папа. (Я замер от радости и волнения.) — Искупаемся, потом наберём камушков, съедим шашлык и опять из моря и в небо! — Вдруг папа грустно цокнул языком. — Ничего не выйдет. Очень жаль.

— Почему?

— Я забыл дома купальные трусики.

— Давай возвратимся! Мы же недалеко ушли!

— Пути не будет, — сказал папа. — Ты придумывай необычное в пределах возможного. Не бросайся в крайности. На Азорские острова тебе не хочется?

— Хочется! — сказал я.

— А мне хочется взять отпуск за свой счёт и с недельку пожить в космосе. Подумать, подвести итоги. Вдали от всего человечества.

— Тебе на второй день будет скучно, — сказал я.

— Это верно, — подумав, согласился папа, — и опять же дорого.

— Тогда погуляй с дядей Сергей Сергеевым.

Папа при упоминании имени своего лучшего друга, который почему-то не заходил к нам дней десять, нахмурился и ничего не ответил.

Мы сели на лавочку в сквере перед метро и задумались.

Папа не хотел ни в цирк, ни на пароход, ни в кафе-мороженое, ни на футбол. Он не хотел купить мяса и пойти в зоопарк кормить тигров, потом слетать на вертолёт в аэропорт. Нырнуть солдатиком с моста он тоже отказался. И многое другое предлагал я.

— Ничего во всём этом нет необычного, — сказал папа.

Я уж и не знал, что придумывать дальше. Мне самому посмотреть мультипликации и киножурналы, и то показалось бы необычным.

— Понимаешь, почему мне неохота в зоопарк? Зверей и птиц там полно, а купить — ну хотя бы змею — нельзя, — сказал папа. — Поэтому мы поедем на Птичий рынок. Да, да! Там необычней всего! Я не был там целый век! Вот оно! Едем!

— Что же необычного на рынке? — спросил я.

— Всё! — крикнул папа.

Глава 4

Мы доехали на метро до Таганки. Мимо нас на эскалаторе спускались вниз люди — и взрослые, и мальчишки, держа в руках баночки, прозрачные мешочки, аквариумы, мешки и клетки. Клетки были пустые и с голубями, аквариумы — с рыбками и без рыбок.

Вдруг прямо у меня за спиной раздалось: «Ку-ка-ре-ку-у!»

Я обернулся. Стоявшая на ступеньку ниже тётенька испуганно запихивала в корзину красивую петушиную голову. А петух забился в корзинке, наверно, разозлившись, что ему не дали как следует покуракаться.

Впереди нас кто-то тьякнул, потом кто-то мяукнул.

— Разве на Дзержинской или Арбатской такое услышишь? Здесь всё необычно! — вслух сказал папа.

А стоявший рядом с ним человек очень серьёзно заметил:

— Мы никогда не забудем своего детства на лоне природы.

— Вы абсолютно правы, — согласился папа, грустно полузакрыв глаза.

— Ты жил с ним в одной деревне? — удивился я.

Папа больно сжал мою руку, что всегда означало: «Не задавай при свидетелях дурацких вопросов!»

— Всего хорошего! — улыбнувшись, сказал на прощание тот человек.

— И вам всех благ! — ответил папа и объяснил мне: — Бывает, что два человека, причём — учти! — совершенно раньше незнакомые, вдруг на секунду почувствуют родство друг с другом. Слышал, кукарекнул петух, и мы уже попрощались, как приятели, а встретимся — поздороваемся, а может, и подружимся.

— Но почему он сказал, что у вас было общее детство на природе, если вы незнакомы? — переспросил я.

— Он имел в виду детство всего человечества. Понимаешь? Всего! Оно прошло в деревнях, на лоне природы. Городов тогда ещё не было, — терпеливо объяснил папа, начиная злиться.

— А как это ты и он запомнили детство всего человечества? Как это так? — не удержавшись, переспросил я, потому что ничего не понял.

Папа вспыхнул, но взял себя в руки и сказал очень тихо и очень спокойно. Так говорил он тогда, когда не мог ответить на мой вопрос.

— Одно из двух — или мы идём на Птичий рынок, или займёмся вопросами и ответами.

— Пойдём на рынок, — сказал я.

В маршрутном такси папа молча и задумчиво смотрел в окно, как будто вспоминал детство всего человечества...

Около ворот рынка нас сразу же подхватила толпа. Было тесно, но не так, как по утрам в метро, и никто не спешил.

Вдруг мы попали в самую толкучку, и мне всё время приходилось задирать голову.

Каких только рыбок тут не было! Их носили и в стаканчиках, и в полиэтиленовых мешочках, и в банках из-под горчицы и томатного сока, и в каких-то зеленоватых прямоугольных сосудах, похожих на куски льда.

И во всех этих банках металась, медленно плавали и неподвижно висели разноцветные рыбки.

Оказалось, что папа знал, как они называются.

Красные и чёрные с мечами на хвостах — меченосцы... Изогнутые, словно луки, и полосатые, как зебра, — скалярии... Переливающиеся разными цветами, как мамин плащ, — бойцовые рыбки... Названия всех рыб запомнить было невозможно.

Их рассматривали, приценились, вылавливали маленькими сачками.

Во многих аквариумах дрожали, словно жемчужинки, нанизанные на нитку, пузырьки воздуха. Его подкачку продавцы рыбок делали по-разному. Одни нажимали ногой на педальку, у других были надутые камеры, а один

парень стучал локтем по боку, как будто у него под мышкой стоял градусник. Это он сжимал резиновую грушу. Около него собралась большая толпа. У парня на ремнях на груди висел аквариум, и в аквариуме плавали рыбки, названия которых папа не знал.

— Почём рыбки? — спросила тётенька, стоявшая рядом с папой.

— Три рубля, — мрачно сказал парень, смотря вверх покупателей.

— Это полтора килограмма мяса! — ужаснулась тётенька.

— И пять с половиной килограмм мороженого морского окуня, — вежливо подсказал папа.

— Арифметику знаю и без вас! — Тётенька смерила папу с ног до головы страшным взглядом.

— Пять с половиной килограмм окуня мы съедим за сколько? Дней за пять, — подсчитал папа. — А на пару таких рыбок можно любоваться вечно.

— Вы это серьёзно? — поинтересовалась тётенька.

— Вполне, — сказал папа.

Мальчишка, скорей всего шестиклассник, долго приценивался, раздумывал, то и дело лазил в карман, наконец решился и протянул продавцу трёшку.

— Вот эту мне! — Он показал пальцем на рыбку, ничем не отличающуюся от других. Он настаивал, чтобы была выловлена именно эта рыбка, и продавец поймал её сачком и осторожно пересадил в банку.

Мальчишка отошёл в сторонку, всё время держа банку с рыбкой перед глазами. Рыбка закружилась так быстро, что мне показалось, будто в банке плавает живое колечко.

— Я вполне проживу без этой рыбки, — заявила тётенька.

— Несомненно, — вежливо подтвердил папа.

Потом мы ходили вдоль рядов, уставленных аквариумами, тазами с живым кормом для рыбок и мешочками с сухим.

— Давай заведём бойцовых! — сказал я папе.

— Подожди. Сначала всё посмотрим. Кстати, если потеряемся, встретимся около вон того дедушки с картиной.

Папа показал на старичка. Тот сидел на ящике, держа картину в позолоченной раме, и щурился на солнце. А эта рама неприятно била в глаза.

— Вдруг он продаст картину и куда-нибудь уйдёт? — сказал я.

Мы подошли ближе. Папа, склонив голову набок, рассмотрел картину и шепнул мне:

— Дедушка никуда отсюда не уйдёт до закрытия рынка. За пятнадцать рублей эту мазню никто не купит.

На картине был нарисован стол, покрытый золочёной скатертью. На столе стояло блюдо. И чего на нём только не было! И яблоки, и груши, и зелёный лук, и куча красных раков, и бледная, как будто недожаренная, курица, и даже непотрошёная щука с раскрытой зубастой пастью. Рядом стояла гипсовая голова без глаз, как в школьном кабинете рисования. Почему всё это папа назвал мазнёй, я не понял. По-моему, картина была красива.

— Сколько тех рыбок можно купить вместо картины? — спросил я.

— Пять. Как у тебя в школе дела с арифметикой? — неожиданно поинтересовался папа.

— Идут. Считаю палочки, — ответил я.

Потом мы смотрели на кроликов, и мне не надо было задирать голову, как на рыбьей толкучке.

Кролики лежали в корзинках, в картонных коробках и самодельных загонах из дощечек. Одни спали, другие хрустели морковкой и капустными листьями, а некоторые смотрели на меня, привстав на задние лапки, и, поводя длинными ушами, смешно топорщили губы.

Глаза у кроликов были большие, добрые, а главное, у всех разные: синие, чёрные, коричневые и светло-серые.

Я гладил кроликов, а папа беседовал с продавцами насчёт самой лучшей и выгодной породы.

— Ну, правда, здесь необычно? — то и дело весело спрашивал он, и я кивал головой.

Глава 5

Потом мы очутились на голубиной толкучке. Голубей там было гораздо больше, чем людей, и казалось, что это они разговаривают и торгуются, а голубятники тихо курлыкают.

Папа брал голубей в руки, расправлял им крылья, дул в пёрышки, осторожно тянул за клюв, потом приценился и уводил меня за руку дальше.

А около клетки с двумя бело-сиреневыми голубями папа остановился, закрыв глаза, замычал от удовольствия и спросил у продавца:

— Дорогие?

Продавец что-то неохотно ответил, а голуби посмотрели на папу так, словно они были орлами.

Когда мы отошли в сторону, папа объяснил:

— Это — почтовые. Пара стоит больше, чем мой костюм. Да что костюм! Если их выпустить в Минске, они вернутся в Москву. Умницы!

Потом мы купили по паре пирожков с мясом и выпили кваса. Папа веселел прямо на глазах и ругал себя за то, что так давно здесь не был.

Около забора, где продавались белые цыплята и курицы, я увидел тётеньку, которая считала, что

лучше мороженный окунь, чем красивая рыбка. Я толкнул папу, и мы подошли поближе.

Оказывается, тётенька хотела купить того самого петуха, кукарекнувшего на эскалаторе в метро. Она строго говорила хозяйке, что гребешок у него бледный, а в хвосте не хватает самых красивых перьев.

— А вы посидите целый день в корзине и тоже небось побледнеете, — с обидой сказала хозяйка.

— Мне кажется, что в этом петухе течёт павлинья кровь, — сказал папа, погладив петуха по разноцветному перу, свесившемуся с края корзины. — Купим для домашнего зоосада?

Я кивнул, и тогда тётенька быстро отдала хозяйке петуха деньги.

Самого петуха со связанными ногами переложили в огромную, с десятком «молний» сумку. Он не вырывался. Только тихо и печально говорил: «Ко-ко-ку-ко», — и глаза его были полузакрыты.

— Простите, сколько рыбок можно было купить вместо петушка? — все так же вежливо поинтересовался папа.

— Три! — радостно сказала тётенька и охотно добавила: — На даче в траве он будет ужасно красив.

— Не забудьте повесить на заборе дощечку: «Осторожно! Злой петух!» — посоветовал папа.

Очень довольная тётенька улыбнулась и ушла, а из сумки торчал петушиный хвост, похожий на целую связку воронёных сабель.

Мы пошли дальше, туда, откуда всё громче доносился до нас птичий свист. Но я не мог забыть печальное «ко-ко-ку-ко» и спросил у папы:

— Петухи бывают почтовые, как голуби?

— А как же! И рыбы бывают, и птицы, и кошки. Даже черепахи бывают почтовые. Только они долго возвращаются, — пошутил папа.

— Ну а теперь тебе всё не кажется серым?

— Пожалуй, мир расцвёл. «Всё стало вокруг голубым и зелёным...» — пропел папа и потащил меня за руку к воротам, совсем в другую сторону от птичьего свиста.

Глава 6

Мы прошлись вдоль чугунной решётки скверика, за которой прогуливались люди с собаками. И все собаки были разных пород.

— Вот главный собачий пассаж, — сказал папа, когда мы свернули в переулок за Птичьим рынком.

Здесь продавались не только взрослые собаки, но и щенки.

Взрослые собаки прижимались к ногам хозяев, не обращали внимания друг на дружку и совсем не лаяли, когда их осматривали.

А щенки так же, как и кролики, тесно лежали в корзинках, сумках и коробках.

Самые маленькие спали, устроившись поудобней. Те, что постарше, копошились, взвизгивали и щурили подёрнутые светлой плёнкой глаза.

Изредка нам попадались люди, продававшие кошек и котят.

Папа объяснил мне, что жёлтые, длинные, голубоглазые кошки с тёмными носочками на лапах и такими же тёмными кончиками ушей привезены из Азии. Из страны Сиам. Это дорогие кошки, но папа купил бы, если бы не длинные когти и скрытный, как у всех кошек, характер.

Мне показалось: кошки не понимают, что их продают, а собаки понимают и чувствуют. И от этого мне стало так жалко собак, что я захотел уйти обратно к птицам.

Но папа не торопился. Он брал щенков на руки, гладил их, прицелялся, а у хозяина здоровенного пса спросил:

— Простите, а почему вы продаёте собаку, если, как вы говорите, она хороший сторож, умница, жрёт что попало и к тому же не имеет блох?

Хозяин пса немного смутился и хмуро сказал:

— Надо — покупай. Не надо — проходи. Уезжаю я.

Пёс вдруг вскочил и залаял на папу. Папа после этого погрузился и сказал, когда мы отошли:

— Если бы у нас была собака и мы бы всей семьёй поехали в командировку, скажем, на полюс, — папа помахал рукой над головой, а потом показал под ноги, — или в Антарктику... я бы взял собаку с собой... В крайнем случае оставил бы соседям, родственникам или друзьям.

— А вдруг они не взяли бы?

— В тот самый момент они перестали бы быть моими друзьями и родственниками.

— Правильно, — сказал я.

Глава 7

Конечно, на Птичьем рынке разных животных было меньше, чем в зоопарке, но зато я первый раз в жизни как следует рассмотрел острую мордочку ежа с зоркими глазёнками, намотал на руку безвредного желтопузика и увидел сиамских котов с голубыми глазами.

Я всё время тянул папу пойти посмотреть канареек и волнистых попугайчиков, но он никак не хотел уходить с собачьей площадки.

— Давай купим щенка. Что же ходить и смотреть? — предложил я, ни капли не веря в то, что папа купит собаку.

Я предложил просто так. Мы с папой не раз просили у мамы разрешения привести домой собаку, но мама ни за что не разрешала. Она говорила, что щенок — это грязь, блохи, вечные заботы и огромная ответственность.

В ответ на мою просьбу папа молча на меня посмотрел долгим взглядом. Это означало, что он сам всё знает и понимает и нечего делать ему подсказки.

И мы продолжали ходить и смотреть на собак, которые от тоски даже не бросались на кошек. Да и сами кошки при виде унылых псов не шипели...

И вдруг сзади меня кто-то громко и радостно крикнул: — Двапортфеля-а!

Я вздрогнул, но не обернулся. Мне не хотелось, чтобы папа и все люди на рынке узнали моё прозвище. Я зашёл за папу, а кто-то ещё два раза крикнул, но уже совсем тихо. Наверное, подумал, что с кем-нибудь меня перепутал.

Немного погодя я выглянул из-за папы и увидел Тигра. Папа и мама уже строго отчитывали его за крик в общественном месте.

Тигра заметил, как я выглянул, и погрозил кулаком. За это его взяли за руки и повели дальше от собак.

Вдруг папа с силой дёрнул меня за руку. Мы очутились в толпе, окружавшей кого-то. Папе было тяжело.

Он одной рукой тащил меня за собой, а другой — загребал так, словно боком плыл по Чёрному морю, борясь с волнами.

Наконец, запыхавшись, папа пробился в первый ряд. Я задрал голову на человека в очень помятой шляпе. Он держал на руках собаку.

Шерсть у неё была, как у козлёнка, — длинная, серо-белая, волнистая, а нерасчёсанная чёлка закрывала глаза, и казалось, что собака спит. Но она не спала, потому что чёлка над глазами всё время вздрагивала. И шевелились тёмные курчавые уши.

Я цокнул языком.

Собака потянула носом, направленным прямо на меня, вскинула чёлку. И в это мгновение я успел взглянуть в блеснувшие на солнце, полные слёз собачьи глаза.

Не успев ни о чём подумать, я потянул папу за пиджак. Он нагнулся. Я сказал:

— Давай унесём его отсюда! Давай купим!

— Ты думаешь, это будет то самое необычное?

— Конечно! Ушли без собаки, а приходим с собакой. Мы с ней уже переглянулись. Давай быстрее, а то кто-нибудь другой захочет купить!

Папа сложил руки на груди и наморщил лоб. Он задумался.

У хозяина собаки то и дело спрашивали, сколько она стоит. Он коротко отвечал:

— Двадцать.

При этом глаза его как-то неприятно бегали по сторонам, и я подумал, что лучше бы не у собаки глаза были прикрыты чёлкой, а у него.

Услышав цену, многие, даже не торгуясь, выбирались из толпы. Я, не переставая, дёргал папу за пиджак. Наконец он спросил:

— Какой породы щенок?

— Помесь пуми — венгерской овчарки — с деревенской лайкой, — ответил хозяин.

— Разве деревенские лайки бывают?

— Раз бывают городские, значит, есть и деревенские, — сказал хозяин.

— Логично, — заметил папа. — А родословная и вообще документы на него у вас есть?

— Нет. Я вывез пса из Закарпатья. Если думаете, что он краденый, могу предъявить свой паспорт.

Хозяин полез в карман за документами.

— Я вам верю, — сказал папа. — Но родословная у него есть?

— По линии овчарки — прапрапрадед был чемпионом Австро-Венгрии. Фон Тюбинген-Млецки. А прапрапрабабушка — фон Заксенгузнер. По линии лайки никого из знаменитостей нет.

В толпе засмеялись. Я не понял, шутит хозяин или говорит серьёзно.

Какая-то старушка недовольно заметила:

— Расхваливает! Деньги большие запросил, а домой принесёшь и пожалеешь. То одно, то другое. А рынок — не магазин. Обратного не воротишь.

После этих слов какое-то помятое лицо хозяина задёргалось, и он ехидно сказал старушке:

— К собаке прилагаются запчасти: лапы передняя и задняя, четыре клыка, хвост и дюжина блох.

Кроме меня и папы, все засмеялись, а старушка обиженно вышла из толпы.

— У меня есть вопросы, — сказал папа. — Возраст, имя, характер. Пожалуйста, без шуток.

— Полгода ему примерно. Ни на одно из имён не откликается. Да, да! Характер весёлый. Озорной. У меня не было времени его воспитывать.

— Понимаю, — сказал папа, посмотрев на опухший нос хозяина.

— Что ещё вас интересует? Причина продажи?

— Догадываюсь, — сказал папа, взъерошил и без того растрёпанного щенка, потрепал ему уши и пощупал нос.

«Покупай же! Покупай же!» — молил я про себя папу.

Он попросил поставить щенка на ноги. Хозяин спустил его на землю. Пёс постоял немного и улёгся, уткнувшись носом в вытянутые передние лапы.

Я сел перед ним на корточки и осторожно погладил. Щенок тихо-тихо дрожал. Может быть, он плакал? И, не знаю почему, я вдруг почувствовал, что мы не расстанемся.

— Ну что? Купим? — спросил папа, тоже присев на корточки перед щенком. (Я кивнул.) — Деньги есть. Но мы не подумали о маме. Помнишь, что она сказала, когда мне хотели подарить бульдога?

Я вспомнил. Мама тогда сказала папе:

«Или я, или бульдог. Выбирай!»

«Конечно, ты!» — сказал папа, но мама обиделась за то, что он задумался перед тем, как ответить...

— То-то и оно-то, — вздохнул папа, а хозяин между тем снова взял щенка на руки и презрительно смотрел на нас сверху вниз. Кажется, он собрался уходить.

— Уговорим! Вот посмотришь — уговорим! — затеребил я папу.

Он наконец решился, и всё стало происходить, как во сне.

Папа, не торгуясь, протянул две десятки хозяину, я подставил руки, и мне с минуту не верилось, что на моих руках лежит дрожащий мохнатый щенок.

Хозяин быстро спрятал деньги и, наклонившись к папе, сказал:

— Щенок не краденый. Запомните мою фамилию. — Он раскрыл какое-то удостоверение.

Папа заглянул в него и спросил:

— Appetit хороший?

— Не избалован. Есть всё. Почаще водите гулять. Пёс породистый. Зарегистрировать его я не успел. Пока!

Папа слушал с растерянным видом, но отступить уже было некуда.

Затем бывший хозяин таинственно исчез, а мы заметили, что на щенке нет ни ошейника, ни поводка.

Папе пришлось вынуть из брюк ремень и с помощью двух скрепок соорудить ошейник с поводком.

Я убедился, что ремень затянут не туго, крепко зажал его конец в руке и опустил щенка на землю.

— Ну, пошли, Рекс! — убито сказал папа.

Я догадался, что он, не переставая, думает, как мы придём домой и что скажет мама.

Щенок не откликнулся на имя Рекс. Тогда я легонько дёрнул папин ремешок, и щенок поплёлся за мной, понуро опустив голову, а папа шёл немного впереди нас, то и дело подтягивая спадавшие брюки. Изредка он оборачивался и выкрикивал то ласково, то строго:

— Трезор!.. Грант!.. Тузик!.. Бэмс!.. Полкан!.. Чандр!.. Тёшка!.. Чоп!.. Ринг!.. Кутя!..

Но наш щенок не обращал никакого внимания на все эти выдуманные папой имена.

Вдруг, разозлившись на это, папа засунул два пальца в рот, оглушительно свистнул, и наш щенок даже присел от испуга, а мне показалось, что от этого страшного свиста в моих ушах заплясали тысячи горошинок и что весь рынок притих на мгновение.

Папа виновато улыбнулся и обратился к толпе:

— Товарищи! Понимаете, я подумал, что нам продали глухонемого щенка! Но он слышит. Слышит! Порадуйтесь этому вместе с нами!

Голубятники стали стыдить папу за то, что свистит в общественном месте и пугает голубей. Кто-то даже хотел позвать милиционера.

Тогда я потащил папу за пиджак, и он пошёл за мной, извиняясь направо и налево.

Я обиделся, потому что не раз спрашивал, как научиться свистеть двумя пальцами, но папа отвечал, что сам не умеет с детства и других не собирается учить.

Он догадался, о чём я думаю, и весело предложил купить на оставшиеся деньги двух волнистых попугайчиков.

— Скажем маме, что щенки продавались с сопутствующими товарами. Семь бед — один ответ!

У меня сразу пропала вся обида.

— Не надо попугаев. Лучше на такси доедем. В метро нас с собакой не пустят, — сказал я.

Мне было радостно, что мы с папой не потеряли друг друга в такой огромной толпе, и купили щенка, и идём домой, где наша мама, наверно, уже готовит вкусный обед и не знает, что теперь нас будет четверо: папа, мама, щенок и я.

Наш щенок, наверно, принял чью-то длинную ногу в сапоге за столб и поднял уж было лапу, но я вовремя дёрнул за ремешок и побыстрей увёл щенка с территории рынка.

Глава 8

Мы заняли очередь на такси. За нами встала тётенька, которая не хотела покупать рыбок, но купила петуха. Папа раскланялся с ней и воскликнул:

— Потрясающая покупка!

В одной руке тётенька держала сумку с петухом, а в другой — картину старичка с бледной курицей, щукой, яблоками, раками и безглазым гипсовым человеком.

Чтобы позолоченная рама не пачкалась, тётенька поставила её на туюфлю с огромной пряжкой.

— За сколько вам достался этот шедевр? — тихо спросил папа.

— Четыре рубля, — так же тихо ответила тётенька и прижала картину к ноге, подозрительно посмотрев на любопытных зевак.

Папа ещё больше напугал тётеньку:

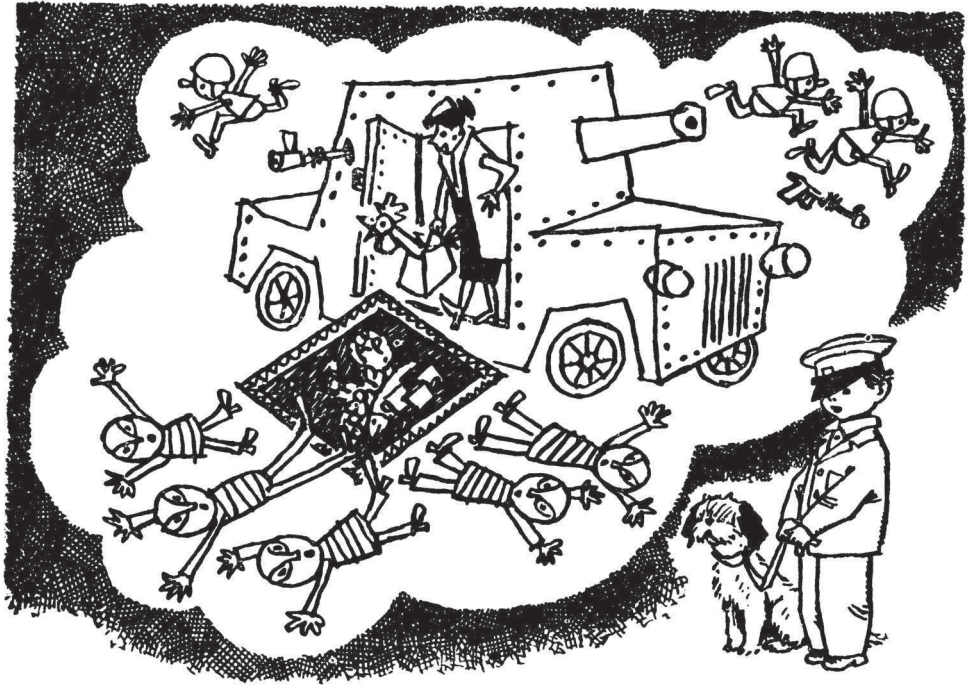
— Такое бывает раз в жизни. Вам чудовищно повезло. Но вы сошли с ума! Такие шедевры в Лондоне возят в бронированных каретах под охраной молодчиков с бесшумными лазерами и мазерами.

Тётенька заулыбалась, не зная, верить папе или нет, а я представил, как на броневик, в котором перевозили тётеньку с картиной, напали бандиты — пять Фантомасов, разогнали всю охрану, не побоявшись лазеров и мазеров, и постучали в дверь броневика.

«Кто тут?» — спросила тётенька. «Свои!» — ответил басом главный Фантомас.

Я представил, как доверчивая тётенька открыла дверь броневика, у неё из рук вырвали картину, но тут из сумки с «молниями» закукарекал Петушок — Золотой гребешок, и все бандиты от страха попадали на землю с поднятыми руками...

Тут щенок почему-то рванулся, но я крепко держал в руке поводок. Мне показалось, что в толпе мелькнуло помятое лицо его бывшего хозяина.

Пока мы стояли в очереди, нас несколько раз спрашивали, сколько мы отдали за щенка. Папа отвечал, что этой собаке нет цены, что она дороже бенгальского тигра, муравьеда и цветного телевизора.

Тётя даже предложила поменять картину с петухом в придачу на нашего щенка, но папа вежливо отказался...

В такси щенок улёгся на резиновый коврик и прижался к моим ногам. Он всё ещё дрожал.

Папа всю дорогу разговаривал с шофёром про новую «Волгу» и собак.

Когда мы въехали на нашу улицу, он вздохнул и уныло посмотрел вокруг, как будто всё так же, как на той неделе, стало для него серым и скучным.

А мне было радостно и празднично! Но всё ещё как следует не верилось, что щенок мой взаправду, что мы вместе будем гулять и играть. Пока он не вырос, я буду его защищать, а потом уж он сам никогда не даст меня

в обиду. «А то, что у тебя нет имени, — ерунда! Придумаем! Только не скучай по тому человеку! Не стоит, наверно, из-за него переживать...»

Так я думал и ласково гладил щенка, а он всё доверчивей тыкался в мою ладонь сухим и горячим носом.

На прощание шофёр посоветовал не давать щенку каких-то трубчатых костей от куриц, гусей и уток. Потому что он сам однажды подавился такой костью, и её пришлось вытаскивать самым сильным магнитом нашей страны.

Папа скучным голосом объяснил, что никакие магниты не притягивают костей.

Но шофёр всё-таки доказал папе, что некоторые магниты притягивают даже гречневую кашу, потому что в ней много железа. Папа слегка застонал — он ненавидел гречневую кашу — и расплатился с шофёром. Шофёр не велел давать щенку грецких орехов, пирогов с грибами, красной икры, фазанов, крабов и, расхохотавшись, уехал.

А нам было совсем не до шуток.

— Тэк-с, тэк-с, — сказал папа, посмотрев на наше окно, и как следует подтянул брюки. — Действительно, мы совершили нечто необычное. Пошли. Что ж теперь делать... Тэк-с, тэк-с... За мной!

Но щенок не откликнулся на имя Тэкс. Он обнюхивал угол нашего дома, потом задрал голову вверх и вздохнул, наверно, подумав: «Большой какой дом. Весь сразу не обнюхаешь».

Глава 9

Когда мы вошли во двор, кто-то сразу закричал:

- Двапортфеля!
- Эгей!
- Он с собакой!

Папа и на этот раз не понял, что Двапортфеля — моё прозвище. А я решил никогда на него не откликаться и тут же догадался: настоящее имя щенка забыли, а он помалкивает, не откликается на другие имена и ждёт, когда назовут правильно. Вот и я так же буду помалкивать, пока им не надоест кричать «Двапортфеля!».

...Мы с трудом прошли сквозь толпу ребят в подъезд. Папа вызвал лифт. Лифтёрша тётя Кланя зло предупредила:

— Если кабину будет опоганивать, я ЖЭКу пожалуюсь. С тряпкой теперь за вами ездить?

— Этого ещё не случилось. Зачем шуметь раньше времени? Вот когда случится, тогда и пошумим, соберёмся и пошумим, — тихо сказал папа. — Щенок прекрасно знает правила поведения в лифтах. Он родился и вырос в высотном доме.

— Как зовут-то мохнатого? — угрюмо спросила наша лифтёрша.

— Пока что инкогнито, — сказал папа, подумав.

— Не выговоришь! — удивилась тётя Кланя.

— Что за имя Инкогнито? — спросил я папу в лифте.

— Инкогнито — это не имя. Это означает, что щенок пожелал временно остаться неизвестным.

Поднялись мы благополучно и встали перед нашей дверью.

Мы слышали, как мама скоблил ножом сковородку и что-то весело напевает. Один шаг отделял нас от обеда, а из щели около замка прямо нам в носы ударял запах котлет с луком и дух горячих макарон, которые мама только что переложила из кастрюли в миску с дырочками.

— У-ух, какой обед! — взвыл папа и, набравшись смелости, шепнул мне: — Поднимись на площадку. Я иду первым. Беру огонь на себя.

Я поднялся повыше. Папа как ни в чём не бывало замурлыкал песенку, воткнул ключ в замок и быстро вошёл в квартиру.

Я ждал ни жив ни мёртв, взяв щенка на руки, и заранее решил пообещать маме всё, что угодно, лишь бы не отдавать щенка обратно.

И научиться быстро читать, и не ломать приёмник, и не забывать здороваться с соседями по подъезду, и не пить после обеда холодную воду, и вытирать насухо руки, чтобы не было цыпок, и глотать зимой рыбий жир, и не повторять нехороших слов.

Всё, что мама захочет, я могу пообещать и выполню своё обещание.

Не знаю, сколько я ждал с задремавшим щенком на руках. Вдруг щёлкнул замок, папа вышел на площадку и поманил меня рукой. Сразу стало видно, что он брал огонь на себя — он стоял в одних трусиках и в майке и был очень растрёпан, как будто мама намылила ему голову.

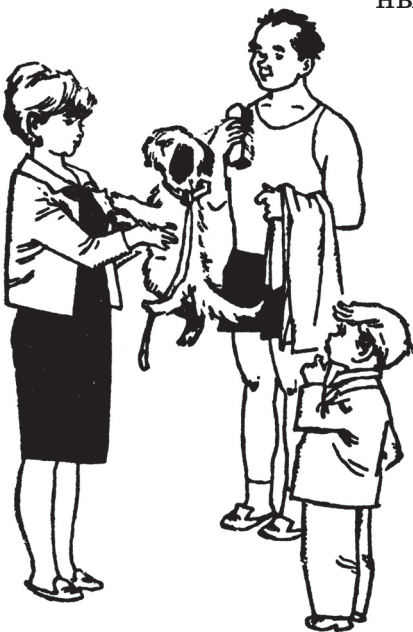
Я спустился с лестницы. Папа пропустил меня вперёд, и тут навстречу мне из комнаты вышла рассерженная мама с одежной щёткой в руках и с запylёнными папиными брюками на плече.

— Вот, — сказал я, сглотив слюну, и приготовился разреветься.

— Прапрапрадед у него фон Тюбинсгаузен Второй, а бабка — баронесса фон Глейшвильбук, — осторожно заметил папа.

Мама, всё ещё ничего не говоря, вручила ему брюки и щётку. Потом взяла у меня щенка и поддерживала его на вытянутых руках перед собой, как меня маленького на фотокарточке.

А щенок — смешной, лохматый, беспомощный — дрыгал задними лапами и сквозь космы, свисавшие со лба, смотрел на маму.

— Бедный пёс! Худоба. Рёбер только из-за шерсти не видно, — наконец сказала мама, и, прислонившись к стене, я вздохнул с облегчением.

Она не разозлилась! Она разрешит! Она бы так не говорила, если бы не хотела разрешить!

— Понимаешь, я вовремя сообразил, что такой пёс, кроме службы и дружбы, даст нам массу шерсти. Мы навяжем носки, свитера, лыжные шапки, а для тебя — пальто джерси, — осмелев, сказал папа. — Мы победим простуду, не будем бюллетенить и пропускать уроки!

— Пойди на балкон и почисти брюки, — строго сказала ему мама и сняла со щенка папин ремешок.

Папа радостно ушёл на балкон чистить свои новые брюки. При этом он успел весело подмигнуть мне.

— Ну а кто за ним будет ухаживать? — спросила мама.

— Как — кто? Всё я буду! И кормить, и гулять, и убирать... если нужно!

— А кто за тебя будет делать уроки? Ты не забыл про свой испытательный срок?

— Наоборот, теперь я буду ещё лучше учиться, — сказал я, и мама засмеялась от слов «ещё лучше».

— Ладно. Посмотрим. Щенок очень милый. Давай договоримся: берём его с испытательным сроком на неделю. Если для тебя и отца собака не игрушка, пусть остаётся. Не будете ухаживать — найдём других, хороших хозяев. Правда, он милый. Но вы с отцом странные люди. У щенка ни имени, ни документов. Ничего! — удивилась мама.

А наш щенок зашёл в большую комнату, постоял, подумал, потом поднял лапу на правую ножку стола.

— Я этого ожидала, — сказала мама. — Неси тряпку. Я принёс тряпку, вытер лужу, тряпку прополоскал: выжал и повесил на нижней жёрдочке балкона.

— Первым делом надо его отмыть, — вдруг решила мама. — Он грязен, как бесёнок. Митя! — позвала она

папу, который всё ещё чистил на балконе брюки. — Достань ванночку, в которой мы купали Алёшу.

— Может быть, сначала пообедаем? — недовольно спросил папа, но мама подтвердила своё решение немедленно искупать щенка.

Глава 10

Папа полез на полати и достал ванночку, а я подерживал стремянку, чтобы он не свалился, как совсем недавно, когда доставал фотоувеличитель.

В это время щенок как неприкаянный слонялся по квартире.

Мы поставили ванночку на табуретку, поставленную в ванну, и я никак не мог вспомнить, как меня маленького купали в ней.

Мама налила в неё немного шампуня и взбила белую пену. Я вовремя сбегал за щенком, который уже прилаживался у чёрной ножки радиолы.

В ванночке он стоял смирно, но нанюхался пены и пару раз чихнул.

Мама ловко его намылила, и вода вмиг стала грязно-чёрной. Папа покачал головой, сливая эту воду в уборную, и щенка ещё несколько раз намыливали в чистой воде.

Вода постепенно становилась всё светлей и светлей. И щенок тоже.

Потом мы его прополоскали в слабом растворе марганцовки, поставили под душ, промыли глаза и вынули из ванной.

Он вдруг вырвался у меня из рук, вбежал в большую комнату, встряхнулся, и обои сразу потемнели от накрапа такого мелкого дождика.

Я бросился на щенка со старой простыней, но он увильнул. Тут мама закричала:

— Кыш! Кыш отсюда!

И вот что интересно: щенок не испугался, а присел от неожиданности и, немного склонив набок голову, уставился на маму.

— Кыш! — ещё громче мамы крикнул папа, и щенок зашевелил своими длинными ушами, с кончиков которых стекали на пол капельки воды.

— Кыш! Кыш! Иди ко мне! Ну, иди! Иди! — ласково позвал я.

И вдруг наш мокрый, жалкий, худенький щенок подпрыгнул на месте и с такой радостью и силой завилял хвостом, что обрызгал всех нас, и диван, и папину белую рубашку, висевшую на стуле. Мама захохотала.

Тут я наконец опомнился, набросил на щенка простыню, завернул его в неё и стал протирать. Простыня сразу намокла, и маме пришлось доставать моё старое мохнатое полотенце.

— Вот чудо! Неужели «Кыш» — его имя? — сказала мама и прислушалась к этому имени. — Кыш! Кыш!..

Щенок повизгивал у меня под руками, но я всё же протёр его как следует и выпустил из полотенца.

Папа присел на корточки, протянул руку к щенку и сказал:

— Ну что ж, Кыш так Кыш! Прекрасное имя. Будем знакомиться. Давай лапу. Ну, ну, давай. Вот эту, правую...

Кыш присел, немного подумал и подал папе лапу. Потом подал мне и маме, которая уже успела протереть весь пол тряпкой.

А я всё думал: почему ему понравилось имя Кыш?.. И вдруг догадался и всем объяснил:

— Наверно, старый хозяин прогнал его отовсюду и на каждом шагу орал: «Кыш! Кыш!» Вот видите? Кыш! Иди ко мне...

Кыш, как учёный пёс, подошёл ко мне и ткнулся носом в коленку.

А папа заметил, что нос у него теперь не сухой и не горячий, как на рынке, а прохладный и влажный.

— Значит, у него хорошее настроение, и он нам рад, — решила мама. — А теперь за стол. Обедать!

Чтобы Кыш не был попрошайкой, его на время обеда закрыли в маленькую комнату, где я спал.

И мы сели обедать. Мы ели борщ, а сами говорили только о Кыше. Чем его будем кормить и сколько раз в день. Что ему можно давать, а чего — нельзя.

Папа быстро съел борщ и ждал, когда мама положит в его тарелку мозговую кость. Он больше всего на свете любил глотать между первым и вторым костью. А мама специально для папы покупала в магазинах мясо с мозговой костью. Папа так всегда и говорил: «Я ем суп исключительно для того, чтобы подготовить место для работы над костью».

Он и вправду работал над ней так ловко, что приятно было смотреть. Кость — вся в кусочках жира, в хрящиках — под конец этой работы становилась такой, словно целый век пролежала под солнцем...

Папа сидел, слегка прищурившись, и ждал стука кости об тарелку. Но когда этого не произошло, он с удивлением посмотрел на маму и сам полез в кастрюлю. Мама засмеялась и хлопнула его по руке.

— Митя! Теперь все кости мы будем отдавать щенку. Неужели это не ясно?

— Почему же это должно быть ясно? — с обидой спросил папа.

— Потому что у щенка растут и развиваются зубы. Я читала, что в это время ему рекомендуют давать кости. Помнишь, как у Алёши прорезались зубы и он тащил в рот что попало?

Мне снова не удалось вспомнить, как у меня чесались зубы.

— Но, кажется, мы не давали ему тогда глодать мозговые кости? — тихо, с ещё большей обидой сказал папа и, покосившись на конец кости, торчавший из кастрюли, грустно скривил губы...

Я однажды поинтересовался, почему папа так любит мозговые кости и даже рычит, когда их ест. Папа объяснил, что у человека имеется память о самых далёких временах его прошлой жизни и что, наверно, он вспоминает их, когда видит мозговую кость...

Папа сидел нахмурившись. Я ему сказал:

— Ты сам рассказывал, что люди сделали собак домашними, когда жили в пещерах. И что они приучили их к себе вкусными костями. Значит, раньше было не жалко, а теперь пожалел?

По-моему, папа смутился. Он промолчал и съел вместо двух котлет три.

Глава 11

После обеда мы пошли кормить Кыша. Наш щенок лежал около батареи. Он уже немного просох и был очень чистым и красивым.

Мы решили, что его место будет в моей комнатке. Поставили миску с борщом и огромной костью около батареи и отошли в сторонку.

Кыш встал, подошёл к миске и вдруг, даже не приняв хавшись как следует, набросился на борщ. Только цоканье языком было слышно, пока кость не загремела в пустой миске. Тогда Кыш вытащил кость, положил на пол, а сам лёг рядом, вытянув морду, и замер, словно ждал, когда она побежит от него, чтобы устроить за ней погоню. Но кость и не собиралась бежать.

Кыш встал, обошёл её со всех сторон, тронул лапой, развернул поудобней, подтащил поближе к окну, чтобы на неё падал свет, прилёг и начал есть с хрящиков.

Папа, наблюдавший это, вышел из комнаты. Мама прямо тряслась от хохота. И мы с ней тоже вышли, чтобы не мешать Кышу глотать кость.

Только я не удержался, сказал: «Кыш!» — и заглянул в щёлку. Кыш сразу обернулся, ничего не понял, подумал, что ослышался, и снова взялся за дело.

До вечера я два раза выходил с ним гулять в скверик перед нашим домом, но ремешок не снимал.

А папа весь вечер был мрачным.

По-моему, всё опять казалось серым.

— Может, ты простыл? Или за кость обиделся? — спросила мама.

— Да нет, — отмахнулся папа. — Неужели трудно понять? Я целую неделю собой недоволен. У меня серое настроение.

— Ты не поругался ли с Сергеем Сергеевым? Что-то он давно у нас не был?

— Дайте мне побыть в одиночестве, — сказал папа, закрыв балконную дверь.

Мама постелила мне постель. При этом она вынула из-под моей подушки матрасик, который ещё раньше лежал на дне коляски, и сказала:

— Нужно Кыша приучить спать на нём. Но как?

— Очень просто! Давай потрём матрасик о Кышеву спину.

Мы так и сделали, хотя мама сомневалась в успехе, а Кыш вырвался из рук, схватил кость и убежал на кухню.

Я стал за ним следить. Он, оказывается, искал, куда бы припрятать кость. В кухне ему не понравилось. Там в ящиках лежали пустые банки и, главное, пахло луком.

Тогда он побежал в большую комнату, залез под диван, потом вылез, прошёлся, решил, что под диваном оставлять кость нельзя, и опять вернулся в нашу комнату.

Вот тут-то мама поверила, что я был прав. Кыш обнюхал матрасик и посмотрел на нас.

— Вот милый пёс! Хочет что-то сказать, но не может, как все собаки, — сказала мама.

— Почему это не может? — возразил я. — Он и говорит. Только ты не понимаешь и никто не понимает.

— А ты?

— А я понимаю! — сказал я, не задумываясь.

— Ну и что он сказал, когда на нас посмотрел? — спросила мама.

Кыш в этот момент затолкал кость под матрасик и сам на него улёгся.

— Вот что он сказал, — объяснил я. — «Какой же я глупый! Ищу, куда спрятать кость! А ведь здесь моё место! И пусть кто-нибудь попробует украсть!»

Кыш тихо, но с угрозой зарычал.

— Вот видишь! — крикнул я радостно. Мама очень удивилась и велела мне ложиться спать, чтобы встать пораньше и вывести Кыша на прогулку.

— Теперь ты перестанешь быть засоней!

Мама потушила свет и ушла. Я разделся, нырнул в кровать и вспомнил весь сегодняшний день.

Как мне утром было обидно, что у меня такое прозвище — Двапортфеля и что я самый маленький перво-кляшка... Я вспомнил, как выпустил воробья и муху, как у папы было серое настроение...

Как мы ходили по Птичьему рынку и вдруг неожиданно купили грустного щенка — нашего Кыша...

...И ведь это правда. Вот он, лежит и ровно дышит. Белый клубочек на тёмном матрасике...

И тут я стал такой счастливый, что сразу заснул...

Глава 12

Разбудил меня Кыш. Он злобно на кого-то рычал. Я быстро оделся и спросил:

— Кто тебя разозлил?

Кыш перевернул лапой кость и сказал: «Там внутри что-то вкусное. Почему оно не выходит, если я хочу его съесть? Р-роа!»

— Вот тебе и р-ра! — сказал я и отвёрткой выковырял из кости кусочки застывшего мозга.

Кыш вмиг слизнул его с пола и попытался заглянуть в дырку: может, этот вкусный хитрый мозг ещё не весь вышел?

Вчера вечером мама из своего старого лакированного ремешка смастерила Кышу ошейник с медным колечком от карниза. Я привязал к нему длинную верёвку и, стараясь не шуметь, вывел Кыша во двор.

Было рано и холодно. Многие жильцы уже спешили на работу. Они останавливались, чтобы погладить весёлого щенка, но я говорил: «Фу!» — и Кыш увиливал из-под чьей-нибудь руки. И жильцы удивлялись, что такой маленький щенок всё соображает.

Я стоял на тротуаре, а Кыш бегал за оградой скверика, делал свои дела и гонялся за красными и жёлтыми лапками кленовых листьев. Ему было тепло в шубе, а я продрог.

Мама и папа уже проснулись, когда мы пришли с прогулки.

Я налил в миску молока. В молоко накрошил хлеба. Кыш вдруг завизжал жалобно и забегал по квартире. Наверно, вспомнив своего старого хозяина, он загоревал. Потом успокоился и стал есть.

Папа в это время включил свою электробритву «Нева» и стал бриться.

Кыш сразу рывкнул и тревожно повёл носом, как будто возле него летал огромный жук и хотел похозяйничать в Кышевой миске, а может, и укусить самого Кыша.

«Ззз-у-у-з-зу», — жужжала бритва, и Кыш пополз на этот звук.

Папа, ничего не подозревая, брился, а Кыш подкрался, подскочил и хотел схватить белого жужжащего «жука», но только задел шнур.

Папа испугался и чуть не уронил бритву на пол. Кыш завертелся вокруг него и отчаянно залаял.

Тут я закричал:

— Фу! Кыш, фу!

Но папа для шутки поводит перед Кышевым носом неумолкавшей бритвой, и Кыш прямо обезумел от ярости. Успокоился он тогда, когда мама сама разлилась, прибежала из кухни, выдернула шнур из розетки и сказала папе:

— Мы всех соседей перебудим! А щенок станет нервным из-за этого жужжания. Видишь, он из себя выходит. Нашёл игрушку!

— Я, кажется, брился и никого не трогал, — ответил папа и снова включил бритву, потому что успел выбрить всего-навсего один подбородок.

А Кыш снова с лаем и визгом бросался на своего врага — бритву. Папа тоже разозлился и начал его отгонять. Тогда я оттащил Кыша в кухню, но и там он лаял так, что я испугался за его горло.

— Митя! Неужели ты не можешь ему уступить? — сказала мама.

— Хорошо. Я уступаю и иду на работу небритым. Пусть Сергей Сергеев скажет, что я бросаю вызов коллективу! — уступил папа и выключил бритву.

«Да, это точно: поспорил со своим лучшим другом дядей Сергей Сергеевым», — подумал я.

Кыш прислушался к тишине, посмотрел на меня и сказал: «Р-ры! Видел, как я расправился с этим жуком? Я вас всех от него защищу! Р-ры!»

Когда мы стали завтракать, я объяснил папе, что Кыш напал на бритву, потому что он наш верный и преданный друг. Папа немного смягчился.

— Может, его предки воевали со всякими жуками, слепнями и прочими вампирами? Но что же, мне теперь из-за этого отращивать бороду?

— Брейся безопасной, — предложила мама.

— А если у меня от неё раздражение?

— Тогда не надо было покупать щенка, в конце концов!

— М-да! Вчера меня лишили кости, а сегодня я не брит!

— Зато ты похож на шкипера с пиратского корабля! — пошутила мама.

— Спасибо за всё! — очень недовольно сказал папа, с жалостью посмотрел на себя в зеркало и ушёл на работу.

— Наверно, у него неприятности, — предположила мама и предупредила меня ещё раз, что если из-за щенка я буду плохо учиться, то его тут же отдадут человеку, который умеет и собак воспитывать, и не отставать в учёбе.

Я тут же заявил, что сам являюсь именно таким человеком.

— Посмотрим, — сказала мама и тоже ушла на работу.

А мне неохота было идти в школу. Опять на каждом шагу слышать: «Двапортфеля! Двапортфеля!» И раскла-

дывать буквы по кармашкам азбуки, и считать палочки, и читать по слогам!.. Когда дома тебя ждёт Кыш!

Тут я ещё раз пожалел, что родился в самом конце августа, а не в середине сентября, но всё же оделся, взял портфель и незаметно улизнул из дома, пока Кыш дремал на матрасике.

Глава 13

На первый урок я немного опоздал, потому что смотрел, как заводят мотор экскаватора, и наша учительница Вета Павловна сказала:

— Сероглазов, ты живёшь ближе всех от школы!

— Больше не буду! — ответил я так, как меня учил папа.

— Садись. У тебя теперь новая соседка.

Я сел на место и посмотрел на свою новую соседку. Она тоже посмотрела на меня и подвинулась на самый краешек скамейки.

— Не бойся. Я ни к кому не пристаю! — шепнул я. — Тебя как зовут?

— Снежка, — ответила моя соседка.

И я с завистью подумал: «Какое хорошее прозвище!»

— А тебя как зовут? — спросила она.

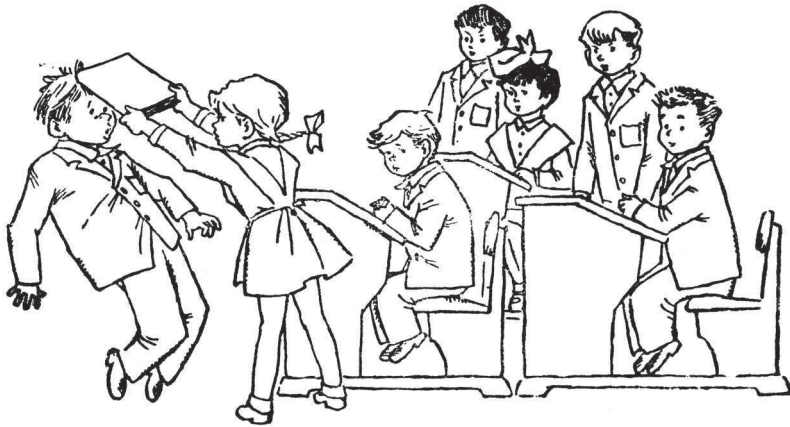
— Алексей, — сказал грустно, потому что ни разу в школе меня никто так не звал.

Вета Павловна, подойдя к нашей парте, сделала нам замечание. Особенно строго она отчитала Снежку и пообещала пересадить её на другую парту.

Мы больше не разговаривали. Я всё время думал про Кыша. Как он там один?

А на большой перемене не выдержал и сбегал домой. Кыш залаял, когда я возился с замком, а когда открыл дверь, бросился на меня с радостным визгом.

«Р-ре! Где ж ты пропадал?» — спросил он.

— В школе, — сказал я. — Ничего не поделаешь. Нам, людям, нужно учиться. Впереди ещё два урока. Ты не скучай. Вот тебе бублик. Когда приду — пообедаем! И ничего не порть.

«Р-ру! Ладно», — согласился Кыш, уныло проводив меня до двери.

Глава 14

Я быстро вернулся обратно в школу. Переменка ещё не кончилась. Меня сразу обступили ребята.

— Двапортфеля! Ты почему не говоришь, что тебе купили собаку? — спросил Тигра.

Я решил никогда не откликаться на прозвище и сделал вид, что не слышу.

— Двапортфеля! — заорал прямо мне в ухо Тигра.

Но я даже не пошевелился и замер от страха.

— Ты что, оглох? Двапортфеля!!

Вдруг Снежка вышла из-за парты и тихо сказала Тигре:

— Его зовут Алексей, а не Двапортфеля.

— Что-о? — удивился Тигра и присел от удивления.

Но Снежка не испугалась. Она подошла, стукнула Тигру учебником по голове и повторила:

— Его зовут Алексей, а не Двапортфеля! Тебе ясно?

Тигра заулыбался, как будто не поверил, что какая-то девчонкахватила его, самого высокого в классе, учебником по голове. А Снежка, чтобы он в этом ни капли не сомневался, стукнула ещё раз.

В классе было тихо-тихо. Тигра сидел растерянный и беспомощный. Напасть на Снежку он не решался!

— Запомни! А-лек-сей! Я за него заступаюсь!

— Не Алексей, а Алёшка его зовут, — подсказал кто-то.

— А я говорю — Алексей! — упрямо заявила Снежка, топнув ногой, и никто не захотел с ней спорить. — А ты, Алексей, никого не бойся! Если кто к тебе пристанет, я его сразу чернилами оболью.

Мне стало стыдно, что я всех боюсь, а Снежка не побоялась Тигру, хотя он сильнее её в тысячу раз...

Тут зазвенел звонок, и пришла Вета Павловна. Она оглядела всех нас и сказала Тигре:

— Миша Львов! Ты опять забыл дома платок?

— Нет. Вот он, у меня в кармане, — ответил Тигра.

— Так почему ты вытираешь нос промокашкой?

— Потому что так быстрее, — признался Тигра, и он сам и мы вместе с Ветой Павловной засмеялись.

— Пожалуйста, больше так не делай... Ребята! Этот урок будет у нас уроком воспоминаний. Но каждый из вас пусть вспомнит не то, что было год или два назад, а вчерашний воскресный день. Как вы его провели? Что вам больше всего запомнилось? Только вспоминать будем по очереди. Кто первый? Послушаем Серёжу Козлова. Он раньше всех поднял руку.

Серёжа вышел к доске и сказал:

— Я был на свадьбе у дедушки и бабушки. Свадьба была не простая, а золотая. Бабушка испекла вот такой — больше стола — пирог. И на нём написала слова из поджаристых букв.

— А интересно, что было написано на пироге? — спросила Вета Павловна.

— Я хотел прочитать, но пирог съели вместе с буквами.

— Ничего, Серёжа! Скоро мы научимся читать быстро. Мы рады, что тебе пришлось побывать на золотой свадьбе бабушки и дедушки.

— У меня бабушка год назад умерла, — шепнул я Снежке.

— А у меня дедушку на войне убили, — ответила Снежка.

После Серёжи Жора Фёдоров вспомнил, как он был с сестрёнкой в кукольном театре и в перерыве пил лимонад...

А Маша Бочарова сажала под окном сирень и потом смотрела телевизор...

А Оля Данова, по прозвищу Ога, ездила с папой и мамой в лес и пекла в костре картошку...

А Митя Вишневский ходил с братом на футбол, потерялся во втором тайме, и про него объявляли по радио.

А Кац был в зоомузее и отломал ребро от огромного первобытного ящера. За это его папа чуть не заплатил штраф и целый час прикреплял ребро на место.

А Ревик Бабаджанян ездил во Внуково провожать бабушку и видел новый самолёт...

Но интересней всех вспомнил Миша Яковлев.

Папа повёл его на ВДНХ. Они катались по выставке в маленьких вагончиках. Потом пошли смотреть ракету «Восток», в которой Гагарин летал над всей Землёй. И пока папа разговаривал с каким-то знакомым, Миша подошёл к ракете и быстро поднялся по лесенке в кабину. Там он уселся в кресло, посмотрел в круглое окошко и нажал красную кнопку. Внизу сразу загрохотало. Миша сначала испугался, что без разрешения улетает в космос и даже не знает, какую нажимать кнопку для возвращения обратно, но вспомнил, что теперь умеют делать стыковку кораблей на орбите и, значит, за ним прилетит или Титов, или Леонов и возьмёт на буксир.

— Но ракета не взлетела. Она была привязана, — сказал Миша с сожалением. — Посмотрел я вокруг из круглого окошка, потом сошёл вниз, и мне здорово попало.

Этот рассказ мы слушали с большим интересом, хотя кто-то с задней парты угрюмо заметил:

— Враки!

За это Вета Павловна сделала ему замечание, а Мишу похвалила, но вместе с тем не велела больше лазить куда попало, если мы пойдём на экскурсию.

— Сероглазов! Смелей поднимай руку! Не стесняйся!

Мне очень хотелось вспомнить, как мы с папой купили Кыша и как на рынке было интересно, и я про всё это рассказал. Вета Павловна меня похвалила и вдруг подошла к Тигре. Он плакал, согнувшись над партой.

— Миша Львов! Что с тобой? Кто тебя обидел? — спросила Вета Павловна, положив ему руку на плечо, но он только всхлипывал и ничего не отвечал.

У Снежки был виноватый вид. Она думала, что это из-за неё плачет Тигра.

Вета Павловна наклонилась к нему, и я услышал, как Тигра сказал:

— Все было плохо... совсем плохо...

После этих слов он перестал реветь и приложил к щеке промокашку, а рассказывать, что у него было плохого, отказался.

Глава 15

На последнем уроке я опять только и думал о Кыше и сразу же после звонка хотел убежать домой, но Вета Павловна велела нам построиться и организованно идти в раздевалку.

Снежка и я шли первыми. Старшеклассники, смотря на нас, удивлённо говорили:

— Двапортфеля! Ну и кнопка!

В конце коридора мы остановились около большой школьной стенгазеты, и Вета Павловна показала на фотокартонку парня в купальной шапочке. Одной рукой он держался за поручни. Лицо у него было счастливое, всё в капельках воды. Он вылезал из бассейна.

Я не сразу узнал его из-за купальной шапочки и улыбки. Это был Рудик Барышкин. Девятиклассник, мой сосед по подъезду и хозяин немецкой овчарки Геры. Он никогда почему-то не улыбался, ходил задрав нос и ни с кем не здоровался. Я рассказал об этом Снежке.

— Сразу видно, что воображала! — сказала Снежка.

А Вета Павловна объяснила:

— Ребята! Это Рудик Барышкин. Ученик нашей школы и известный чемпион по плаванию. Делайте по утрам зарядку. Старайтесь — и вы будете рослыми, сильными и ловкими, как он. А может быть, тоже установите новые рекорды.

— Меня к врачам водили, и зарядкой я занимался, и гантели поднимал, и эспандер растягивал, а всё равно плохо вырастаю, — сказал я Снежке.

— Зато у тебя фамилия Сероглазов, и совсем это не главное, чтобы быть длинным, — успокоила меня Снежка.

Вета Павловна ещё что-то рассказывала про Рудика Барышкина и его рекорды, но я не выдержал и сбежал домой к Кышу, хотя знал, что завтра мне попадёт за нарушение дисциплины.

Глава 16

Я открыл дверь, и у меня потемнело в глазах: в коридоре валялась скатерть с обеденного стола. Наверно, стоявшая на ней ваза с георгинами упала и разбилась. Пол был усеян обрывками «Огонька». На них лежал изжёванный галстук.

Сам Кыш не выбежал ко мне навстречу, потому что был занят делом: он подпрыгивал и хватал зубами верёвочку выключателя с белым шариком на конце. Её из-за меня сделали длинной.

При этом две лампы в люстре то гасли, то зажигались. Кышу это очень нравилось. Я сразу забыл про всё, что он натворил, и стал учить Кыша зажигать свет по команде. И научил.

Но скоро Кышу надоело подпрыгивать, и он стал как угорелый носиться по квартире и цапать меня за брюки.

Тогда я взял и привязал его к батарейной трубе рядом с матрасиком.

Кыш сразу тихонько заскулил. Наверно, вспомнил, как его привязывали в другом доме.

После этого я осмотрел всю квартиру. Ваза чудом не разбилась, а георгины были разобраны прямо по лестку. На чёрных ножках приёмника виднелись белые царпины. Кыш точил об ножки зубы.

В кухне он тоже натворил дел. Нужно было срочно приниматься за уборку.

Тут вдруг позвонила мама по телефону и спросила:

— Как дела в школе?

— Всё так же, — сказал я, — ко мне на парту Снежку посадили.

— Кого? Кого? — не поняла мама. — И не на парту, а за парту.

— Она Тигру укротила, — объяснил я.

— Не заговаривай мне зубы! Как себя вёл Кыш?

— На четвёрку, — ответил я, подумав.

— А точнее?

— На четвёрку с плюсом.

— Ты в этом уверен?

— А как же! — воскликнул я, потому что и вправду был уверен в отметке.

Ведь пятёрку поставить Кышу было никак нельзя. А тройку тоже. Он, конечно, изжевал папин галстук с золотой ниткой, но зато исправился и научился зажигать и тушить свет. Значит, я правильно рассудил, что Кыш достоин четвёрки. А плюс — это уже добавка за весёлое настроение...

— Пообедайте, погуляйте, и садись за уроки, — сказала мама.

Я пообещал ей, что так и сделаю, и повесил трубку.

Но на душе у меня было тоскливо. Неизвестно, согласится ли мама с моей отметкой Кышу. И не отдаст ли его за всё, что он натворил, другим людям.

— Ты знаешь, что у тебя испытательный срок? — спросил я Кыша как можно строже.

«Знаю. Как же не знать. Р-рр! Думаешь, весело тут одному?» — проскулил Кыш.

— Не весело. Сам сидел один дома, когда гриппом болел, но я же не делал такого беспорядка в квартире!

Кыш промолчал. Мне показалось, что он поверил. И правильно сделал. Я, когда болел гриппом и не ходил

в сад, натворил ещё больше, чем он. Я без спроса пылесосил комнату и сам не заметил, как в пылесос попал деревянный флакончик розового масла, билеты в кино, мамина заколка с камешком и сетка для волос...

— Так что веди себя как следует, — сказал я Кышу.

«Больше не буду», — пообещал он, присев и поджав одну лапу.

Глава 17

Потом мы поели и пошли гулять. Ребят во дворе не было, ко мне никто не приставал, и я учил Кыша шагать рядом, но он не слушался и заигрывал с поводком.

Вдруг во двор из нашего подъезда вышел гулять со своей овчаркой знаменитый пловец Рудик Барышкин.

Кыш увидел Геру, завилял хвостом и потянул меня к ней. Причём хвостом он вилял так сильно, что его заваливало в разные стороны. Мы подошли поближе. Гера тоже заметила Кыша, присела, наострила уши, немного наклонила голову, но хвостом не виляла.

— Откуда у тебя этот пигмей? — спросил Рудик. Он смотрел на меня сверху вниз, противно скривив губы.

Я не знал, что такое пигмей, и рассказал Рудику, как мы купили Кыша и что документов на него нам не дали. Но он является помесью породистых собак со знаменитыми прапрадедушками.

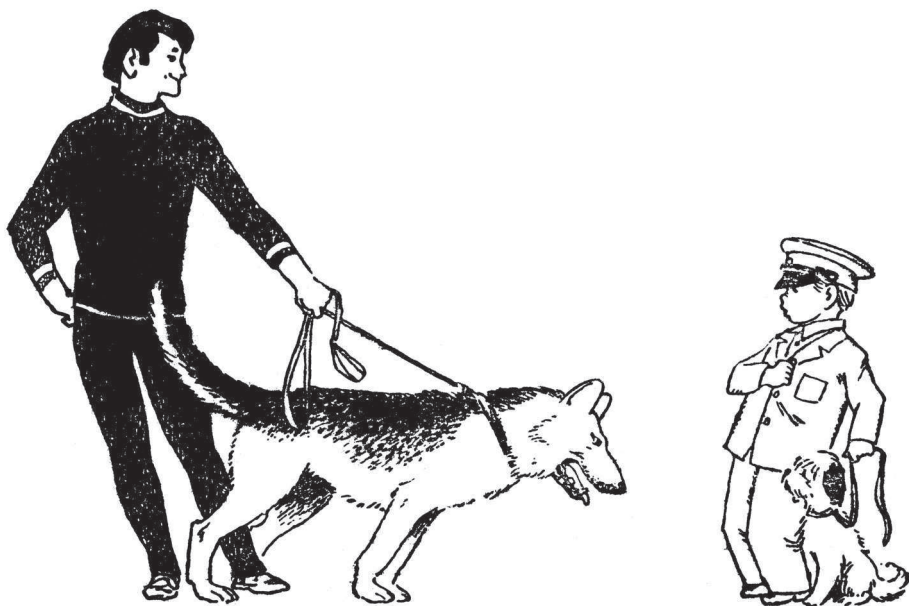
— Пигмей — это порода? — спросил я Рудика.

— Да, — сказал Рудик.

Кыш так и рвался поиграть с Герой. Уж он и визжал, и лаял, и просил меня, задрав мордочку: «Отпусти хоть на минуточку! Я ничего плохого не сделаю этой большой собаке... Мы поиграем! Отпусти! Жалко тебе? Да?»

И я уже хотел отпустить Кыша, но тут Рудик, не разжимая губ, зачем-то сказал Гере:

— Фас!

Гера молча, как акула, бросилась на Кыша, а он рванулся ей навстречу. Ведь он не мог понять, что она нападает и хочет его укусить.

У меня внутри всё похолодело от страха за Кыша, но я успел дёрнуть верёвку, и Кыш, взвизгнув, отлетел к моим ногам перед самой оскаленной мордой Геры с налитыми кровью глазами.

Гера так и лязгнула зубами. А Рудик улыбался, вытянув в ниточку свои тонкие губы.

Я первый раз видел, как он улыбается, и от этой улыбки его лицо было ещё злей и противней.

Он с трудом удерживал рвущуюся с цепочки Геру и успокоил её в одну секунду коротким «фу!».

Никогда ещё мне не было так страшно, как в эту минуту. И только я подумал, что всё страшное позади, как Рудик ещё раз сказал:

— Фас!

Гера снова взвилась на дыбы от злости, и снова это слово «фу!» её успокоило.